

Министерство образования и науки Российской Федерации
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Россия и Китай
на дальневосточных рубежах

Народы и культуры Северо-Восточного Китая

Вып. 13

Благовещенск
2020

ББК 63.3
Р 76

*Печатается по решению
Ученого совета
Амурского государственного
университета*

Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на англ.: О.Е. Цмыкал, на кит.: Ван Цзюньчжэн, Чжан Жуян, Чжоу Синьюй и др. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. – 524 с.

В 13-м выпуске сборника научных статей публикуются работы известных российских и китайских ученых, исследующих этнокультурные и этнорелигиозные контакты русских и китайцев, этносоциальные миграционные процессы на Дальнем Востоке, проблемы литературы русского дальневосточного зарубежья и художественной этнографии Дальнего Востока. Основу публикаций представляют доклады двух международных научно-практических конференций «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»: «Исторический опыт взаимодействия двух культур» (12–13 мая 2018 г.) и «Народы и культуры Северо-Восточного Китая» (17–18 сентября 2020 г.).

Сборник адресован широкой аудитории читателей: научным сотрудникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется проблемами русской эмиграции, взаимодействия русских и китайцев в широком историческом, политическом и культурном контексте.

ISBN 978-5-93493-353-2

©Амурский государственный университет, 2020
©Авторский коллектив, 2020

<i>Забяко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуян.</i> «Мама – русская, папа родной – китаец, второй папа – китаец»: мемораты потомков русско-китайских браков в Амурской области	314
<i>Капинос Е.В.</i> «Монастырь разлетающихся кошек»: словесное шинуазри в романе Д.А. Пригова «Катя китайская»	337
<i>Кириллова Е.О.</i> Историческая повесть С.П. Балабина «Рожденный из лотоса»: художественная репрезентация ориентальной мифопоэтики средневекового Приморья	344
<i>Лю Чжицян.</i> Смысловое содержание китайской поэзии в переводах Л.Е. Черкасского.	360
<i>Русские, русская культура и литература в Северо-восточном Китае и на сопредельных территориях</i>	
<i>Подалко П.Э.</i> От Путянина до Путина: Русский культурный след на японской земле	367
<i>Кляус В.Л.</i> Русская народная хореография в Трёхречье (КНР)	372
<i>Цзюй Куньи.</i> Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов Австралии	391
<i>Кондалева Е.А.</i> Особенности фронтальной ментальности в жизнестроительстве и творчестве русской эмиграции на северо-востоке Китая	402
<i>Кузнецова О.Ф.</i> Архив Валерия Перелешина в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. Литераторы русской диаспоры Китая 1930–1940-х годов / Отв. ред.-сост. О.Ф. Кузнецова. – М: Издательство ИКАР, 2020. – 520 с.: ил.	410
<i>Линь Гуаньцун.</i> Оборотни-крысы госпожа Цай и А-сянь как волшебные помощники (на материале творчества Б. Юльского)	419
<i>Забяко В.А.</i> Знахарство в системе рынка оккультных услуг Приамурья	422
<i>Русская литература в исследованиях зарубежных и российских ученых</i>	
<i>Пехал З.</i> Повесть М. Горького как пограничное жанровое явление	428
<i>Лю Бо.</i> Исследование литературных особенностей России в ранний переходный период	434
<i>Эфендиева Г.В.</i> «Я ответил как мог, от души»: заочное интервью с поэтом Леонидом Завальнюком	440
Аннотации	456
Сведения об авторах	505

ОБРАЗ ХАРБИНА В МЕМОРАТАХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В АВСТРАЛИИ

Цзюй Куньи

До строительства Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) Харбин был не городом, а маленькой рыбацкой деревушкой. Со строительством КВЖД к Харбину прибыло большое количество русских специалистов и был основан Харбин – многонациональный, многоконфессиональный город, в котором переплелись судьбы русских и китайцев, мигрантов и эмигрантов, красных и белых, бедных и богатых [Забияко, 2016].

В последние годы важность изучения *общей* китайско-русской истории все чаще осознается русскими и китайскими исследователями. Это – история взаимодействия этнокультур, этнорелигий, миграционных процессов русских и китайцев. Весьма важно, что исследователи-харбинисты постепенно перешли от изучения большого количества архивных материалов к полевым исследованиям. Это обусловлено тем, что большая часть истории – истории отдельных людей, семей, родов, социальных групп – не запечатлена в письменных текстах, сохраняясь в памяти еще оставшихся в живых свидетелей и участников исторических процессов. Потому мы обращаемся к фиксации и изучению устной истории, в которой сохранилась повседневная жизнь Харбина и харбинцев. Подобно существованию большой семейной генеалогии, история семьи, мемораты семьи подобны призме, через которую более выпукло и рельефно проявляется судьба этноса в переломную эпоху [Цзюй Куньи, 2019, 120].

Мы уже обращались к исследованию меморатов харбинцев, проживающих в России (Москве, Санкт-Петербурге, Риге) и Китае (Пекине, Харбине), выделяли тематический комплекс этих жанров устной истории. Данный материал – результат фольклорной экспедиции 2019 г. в Сидней (Австралия), собиратель – Цзюй Куньи.

Практически все мемораты включают в себя следующие тематические блоки: воспоминание о предках (бабушки и дедушки, родители); рассказ о том, как предки оказались в Китае; рассказ о составе семьи; исторические события, пережитые самими рассказчиками, история эмиграции в Австралию [Цзюй Куньи, 2019, 122]. Изученные нами мемораты типологически сходны в тематическом и композиционном строении, но в то же время отражают разный гендерный опыт информантов, разный уровень их образования и семейного положения, а также разные взгляды на историю и социальные процессы.

Наши собеседники (5 человек) – потомки бывших русских эмигрантов, в основном это люди возраста 75–97 лет, жители г. Сиднея, русские и метисы. Все они родились в Китае (Харбине, Хайларе, Романовке), закончили там школы или гимназии, многие получили профессию, некоторые даже успели поработать и жениться.

В.Д. Дронов (1926 г.р.) родился в г. Хайларе. Родители бежали из-за революции, потому что отец был дворянин. Мать из Барнаула, отец из Читы. Учился в Четвертой высшей народной школе в Харбине. В 1945 г. поступил в медицинский техникум, учился на врача на медицинском <факультете>. Работал врачом в еврейской больнице, потом в Красном Кресте с 1952 по 1962 г. В 1945 г. уехал в Австралию.

*Цзюй Куньи и Ян Сяоцзюинь
с В.Д. Дроновым в его доме*

В.С. Калугин (1932 г.р.) родился на станции КВЖД Эхо. Его дедушка по матери, Николай, был большевиком. Из-за революции приехал в Китай. Учился и работал в школе в Романовке. Сначала в Австралию уехал его брат, а он поехал к брату в Австралию в 1945 г.

В.М. Игнатенко (1935 г.р.) родился в г. Харбине. Его дедушка приехал в Китай в 1906 г. на строительство КВЖД. Отец родился в Харбине в 1916 г. Он поступил в Харбинский политехнический институт, института им. Куйбышева, МИСИ называлось. В 1958 г. закончил ХПИ. Женится в 1958 г. в Харбине. Уехал в 1961 г. в Австралию.

Т.П. Лялина (1940 г.р.) родилась в г. Харбине. Её дедушка был военный, из-за революции приехал в Китай. Она училась в 3-ей школе, закончила в 1958 г., и стала работать в школе до 1961 г. Уехала с мужем в Австралию в 1963 г.

Е.Б. Шергуд (1939 г.р.) родилась в г. Харбине. Её дедушка из-за революции приехал в Китай. Начала учиться в первом классе в приюте. В бывшей японской школе проучилась второй и третий классы. Закончила в Розовую школу в 1957 г. Уехала с семьей в Австралию в 1957 г.

Практически каждый разговор с нашим новым информантом начинается с рассказа о том, **как семья эмигрировала в Китай:**

Была революция в России, да. И мои родители бежали из России, потому что папа был... Как это? Дворянин. Вы знаете, что такое дворянин? Noble [англ. дворянин]. Все были, в общем, простой народ, крестьяне, все они... Образовалась революция, а такие люди, интеллигентные, все должны были бежать. В Европе бежали во Францию, а на Востоке, где мы жили, мама с папой жили, бежали в Китай. Поэтому, так и получилось, что они перебежали границу в Китай, и мы там родились. В Китае... Он же был белый офицер, Офицер белой армии. [В.Д. Дронов].

А это была революция. Революция... Они были богатые люди. А что большевики... они богатых людей уничтожали из-за того, что... Мой дедушка работал с китайцами. Китайцы моего дедушку, моего дедушку китайцы советские, красные, как говорили раньше. Они его избили, им золото надо было. Он умер на третий день. Мою маму хотели отправить... туда. Моя мама маленько родня Ленину. Фамилия одна. Её хотели туда, на Волгу... Волга-рива, туда хотели ее

отправить. Потом моя мама... Отец ушел в Китай, и моя мама ушла тоже в Китай, в Маньчжурию. [В.С. Калугин].

Хорошо. Мой дед приехал в Китай в тысяча девятьсот шестом году [1906]. 1906 年, 我爷爷 (在那) 来的 [1906 Nián, wǒ yéyé zài nà lái de – мой дедушка пришел в 1906 году] на строительство Китайской восточной железной дороги. КВЖД. Но она уже была почти что готова, и он работал там как склад... заведующим всеми складами Китайской восточной железной дороги. Это мой дед 1906 年, 现在差不多 110 年, 我爷爷 (在那) 来的 [1906 Nián, Xiànzài chàbùduō 110 nián, wǒ yéyé zài nà lái de – мой дедушка пришел в 1906 году. Сейчас почти 110 лет]. Дед приехал в Китай на строительство почему? Зачем? Потому что он был член российской социал-демократической рабочей партии. Коммунист. 共产党 [Gòngchǎndǎng – Коммунистическая партия]. Ему сказали, что *be careful, tomorrow morning, you will be arrested, because you are communist, you will be arrested* [англ. будь осторожен, завтра утром тебя арестуют, потому что ты коммунист, тебя арестуют]. In 1905 [англ. в 1905 году] Кровавое воскресенье и большие бои были. А он был в Харькове *in charge, he is the higher communist in Харькове* [англ. главный, он верховный коммунист в Харькове]. Ему сказали, что тебя завтра арестуют. Он взял, собрался, ночью поехал в Москву, из Москвы со знакомством поехал в Китай на строительство дороги. Дорога кончалась уже постройка. Как вы знаете, контракт был заключен российским правительством с Китаем в тысяча восемьсот девяносто восьмом году [1898] на строительство Китайской восточной железной дороги. Полоса отчуждения. Так же, как Гонконг была на сто лет. Одинаково. Но мой отец тоже родился в Китае. Мама приехала в Китай... Хороший вопрос. Она приехала в Китай в двадцать втором году [1922]. Уже после революции. Революция. Во Владивостоке боролись Врангель, Белая армия, Красная армия, Семёнов, понимаешь... Во Владивостоке. Они уехали из Владивостока. Она родилась во Владивостоке. Село Раздольное. [В.М. Игнатенко].

У меня дедушка с маминой стороны был военный и, когда произошла революция, то он оставался на стороне белых. И его разыскивали красные и хотели его поймать. Его даже арестовали и везли в город. По дороге их застала ночь, и все уснули, и даже часовой уснул, а дедушка подошел к своему коню, отвязал его, и тихонько они ушли. И так

Цзюй Куньи с супругами
Калугиными в их доме

Цзюй Куньи с В.М. Игнатенко
у китайского кафе

он ушел за границу в Китай. Граница была еще открыта, и он послал записочку своей жене, чтобы она взяла детей и уезжала. У нее было пять человек, моя мама была самая старшая, ей было 9 лет. И они оставили абсолютно все, она даже не сказала своей маме, только сказала матери мужа, что она уезжает. И так они доехали до границы. Им помогли переплыть через Аргунь, через реку, и уже на той стороне, на китайской, их ждал уже её муж. Вот так они оказались в Китае.

Цзюй Куньи с
Т.П. Лялиной в ее доме

[Т.П. Лялина]. У меня на папиной стороне [по линии отца], вообще одна сторона из Симбирска, из города Симбирск. Русский город Симбирск. И там моя бабушка и два брата, вот. Воронцовы, они жили в Симбирске, но остались сиротами, и работали, помогали тёте. У тети была пекарня. И потом два брата, они убежали в Китай. Это вот в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. В тысяча восемьсот девяносто восьмом году они убежали в Китай и там вот начали бизнес. У них вот Харбинё был лесопильный завод, и Харбинё был первый рефрижератор [холодильник]. Да. Это вот бабушка была. А другая сторона [по линии матери] тоже вот из Симбирска была, вот, как ни странно, тоже симбирская, и тоже они приехали очень рано <в Харбин>. Сначала из Бухары... прадедушка работал в Бухаре. А когда начали строить железную дорогу, то царское правительство его переслало работать в Харбин. Он работал, как я понимаю, я даже не знаю, но он работал где-то в конторе, этим, закупал для железной дороги, всё, что нужно было для железной дороги. Это вот сторона... А по маминей стороне бабушка у меня из Забайкалья, около Нёрчинска и Срётенска. И мама моя родилась в Благовещенске, и потом после революции они тоже вот как у Тани [Т.П. Лялиной], они бежали через Аргунь в Харбин. Ей был один год. А папа мой родился уже в Харбинё. Папа мой. [Е.Б. Шергуд].

В мемуаратах харбинцев «Харбин» представляет «детство». Потому большая часть их воспоминаний – о школьных годах: Ну я закончил... У нас называлась «Четвертая высшая народная школа», потому что была четвертая она. Эта школа точно, как в России, десять лет. Вот, мы закончили ее и имели ну, нормальное образование, полностью, да. Но дело в том, что, когда мы закончили, мы учили историю старую. Не новую, понимаете? А вот когда уже 45-й год был [1945], всё, я поступил в медицинский техникум на врача, да. И там нужна была история уже новая. Вот поэтому я потом еще прошел новую историю. Я знаю и старую, я знаю и

Т.П. Лялина (слева) и Е.Б. Шергуд
(справа) в доме Т. Лялиной

новую <историю>, понимаете, так что у меня у меня такое двойное образование. [В.Д. Дронов].

Учился я. Нас так учили. Домашняя старушка али [или] старичок в деревне 屯子 [Túnzi, деревня], там учителя были такие... У китайцев тоже также было в деревне. Школа. Я в школе учился уже при советской власти [В.С. Калугин].

В Харбинé было четыре школы русских, в разных районах – Модягоу было две: лицей святого Николая и вторая школа в Новом городе Нанган. Была одна школа, третья и на Пристанях 道里 [Dàolǐ – Харбинский район Даоли] было две школы. Первая и еврейская школа. Но в тысяча девятьсот сорок девятом году [1949] лицей в Модягоу (лицей Святого Николая), это был лицей, закрытое заведение, но оно было униатское. Здесь с Белоруссии были священники, которые там жили. Униаты, так сказать, подчинялись Папе. Пий двенадцатый тогда был. Католикам подчинялись. Русские подчинялись католикам. Это был лицей Святого Николая. Я там учился. Я там начинал в сорок девятом году [1949], когда Китайская республика была основана в октябре месяце. После этого мы пришли на занятия, стояли полудины, восьмая армия у входа и иди домой. Всех арестовали там преподавателей-священников, но они были униаты, понимаешь. Русские, которые приняли за главенство католического Папы Пий <неразб.>. Нас все закрыли, выгнали, а их всех арестовали. Наш главный директор, Цикото его фамилия, потом отец Фома, отец Посиф, их всех арестовали и увезли в Москву. Там некоторых отпустили, отпустили. И я вот встретился с одним во Франции. Иду и по-русски разговариваю с женой. Сзади меня подходит священник, и я его узнаю. Это отец Посиф, который у нас был. Его во Францию отправили, потому что он из Франции приехал... Но забудь про это, это закрыли, эту школу... Осталось четыре советских средних школы. Они занимались все по программе из Владивостока. Советская программа, да. Я учился во второй школе средней, в советской школе второй, которая была в Модягоу. От 香坊 [Xiāng fāng – Сянфан] близко мне, полчаса было. это общая школа. И мужская, и женская у нас были. Смешанная. Десять классов было. [В.М. Игнатенко].

Я пошла в школу, в третью школу, которая была в Новом городе. На Садовой улице она сначала была, где была... на Садовой была... это... как же... где мы учились. А потом перенесли школу на... Украинский дом, где раньше был, третья школа была, это напротив музыкальной. Вот там я училась, а закончила школу уже на Пристанях, потому что была одна только школа. В пятьдесят восьмом году [1958]. [Т.П. Лялина].

Ц.К.: Это общая школа. Да?

Т.П.: Да, была общая школа одна только.

Е.Б.: Розовая школа.

Т.П.: Да, да розовая школа, мы называли.

Е.Б.: Покрашена в розовый цвет...

Ц.К.: А в школе была программа советская? или...

Т.П.: Программа была советская, и мы занимались по всем советским учебникам.

Ц.К.: Понятно...

Е.Б.: Программа была очень хорошая.

Т.П.: Да. Программа была очень хорошая...

Ц.К.: А какие вы получали отметки?

Т.П.: Я получила хорошую.

Е.Б.: У меня хорошая была отметка. Я любила писать иероглифы, очень.

Ц.К.: Трудно?

Е.Б.: Нет, даже очень приятно. Это как meditation [медитация]. Пишешь, пишешь, один и тот же лист, потом другой...

Т.П.: [Говорит по-китайски и одновременно пишет по-китайски на столе] 中国 [Zhōngguó, Китай]; 中国人民 [Zhōngguó rénmin, китайцы]. [Т.П. Лялина, Е.Б. Шергуд].

Несколько наших собеседников получили высшее образование, успешно учились в университете: *Вот я говорю, папа не имел профессии. Все знаете, которые были дворяне раньше, они все были... Он закончил музыкальную... Папа мой закончил музыкальную школу, ну, специально, он хорошо на мандолине играл, на гитаре играл. Ну, это там считалась как профессия, понимаете, а когда приехал в Харбин, никому не надо это. И он работал рабочим просто, где, как найдется работа какая. А мама, поскольку она закончила в России всё, она сразу устроилась сестрой милосердия, и она работала в нескольких госпиталях. Вот почему я, поскольку [поскольку] мама сестра милосердия, всегда разговоры были, поэтому я закончил медицинский техникум. Да я видите, у меня где-то лежит аттестат, я его тока [только] <не нашел> ... Уже, знаете, давно не надо было, куда-то положил. У меня есть аттестат, что я закончил медицинский <факультет>, и там всё написано, а в каком году? Не помню. [В.Д. Дронов].*

Всё в Харбине. Отец родился в тысяча девятьсот шестнадцатом году [1916]. А я родился тоже в Харбине в тридцать пятом году [1935] in nineteen thirty five [англ. в тысяча девятьсот тридцать пятом году]. Вот это, так сказать, наша история, откуда мы и как мы, и почему мы стали... После этого я уехал. Отец первым уехал. <Я> поступил в школу. Поступил в школу. Закончил школу, и что у нас университет был. Нас русских принимали в Харбинский политехнический институт с условием, что мы будем изучать один год китайский <язык> и потом пять лет технические. Мы поступили к китайцам. Нужно было изучать два года русский <язык>. Они хорошо говорили все, и, может быть, еще остался, кто там кончал, все там хорошо говорили. Преподаватели у нас были в основном из Советского Союза, института имени Куйбышева, МПСИ (Московский инженерно-строительный институт) называлось. Профессор Серг<еев>, который имел издания – десять книг по архитектуре. Он нам читал лекции и китайцам читал лекции... Лекция, конечно, по-русски. Рождественский. «Железобетонная конструкция». У него вот такая толстая книга, он читал лекции и китайцам. Кузнецов? и так далее. Старые русские,

которые были, остались. Татарин математику вел. Мыслин, хороший... Он вел «Сопротивление материалов». Так что Харбинский политехнический институт, тогда преподавание велось на русском, и мы учили китайцев, как быть великими. Всё основное было дано китайцам, коммунистической партии, это русскими. Они строили заводы, они учили китайцев и нас, и так далее. Это было в пятьдесят... я закончил в пятьдесят восьмом году [1958]. В пятьдесят втором [1952] я поступил, шесть лет, в пятьдесят восьмом [1958] закончил. Как раз началась культурная революция in nineteen fifty eight [англ. в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году]. Да. Наш класс был тридцать шесть человек, тридцать шесть человек и уехало, значит, наверное, тридцать человек. II была... предмет один был – «История коммунистической партии Китая». II так сказать, нам китаец читал по-китайски, по-русски, значит всё. II потом экзамен. После экзамена, как всегда, все отметки выставлялись вдоль коридора... XIII – большой, громадный университет, путь коридора и все выставлялось. Я подошел, посмотрел, у меня «отлично» стоит, пять, «отлично». Потому что все были «отлично». У других русских «три», «четыре», у Валерия Иванько «четыре» было. А потом через два дня я прохожу по этому коридору, смотрю, у меня «пять» переправлено на «четыре». Зачеркнуто, «четыре» написано. Я пошел к декану строительного факультета. Мистер Ли. Я говорю: «В чем дело?» Он мне отвечает: «Виктор, садись. Всё хорошо, но у тебя теория расходится с практикой. Теория – ты коммунист по теории. А практика – почему ты на Родину не уехал? Строить и землю пахать». В это время мой отец с матерью... мать хлопотала визу, уехали в Австралию. [В.М. Игнатенко].

Только трое из наших собеседников недолго работали в Китае: Да, значит, Еврейская, называлась Еврейская больница. Была еврейская больница, потом Красный Крест был, вот. А потом, обождите. Значит еврейская больница, Красный Крест... В основном вот это. Эти два, два больших, эти большие два госпиталя... В общем я приехал в шестьдесят втором году [1962] сюда приехал. II вот до шестьдесят второго года [1962] я работал врачом. До шестьдесят второго года [1962] <года> я работал врачом, а закончил я, по-моему, в сорок втором [1942], по-моему, я в сорок втором [1942] закончил. Да я помню, что-то такое проработал...я и говорю, по-китайски, как доктор я могу все спросить, вот до сих пор, а тогда я довольно хорошо уже, очень легко говорил, и вот сейчас я говорю: 有什么病? [Yǒu shé me bìng? – Какая болезнь?]. 肚子疼不疼? [Dùzi téng bù téng? – Желудок болит или не болит?]. 咳嗽不咳嗽? [Késòu bù késòu? – Кашель или не кашель?] [В.Д. Дронов].

В Харбине проработал два года. Там по распределению. В Харбине проработал два года. Инженером. Конечно. Там же ты закончил 哈尔滨工业大学 [Hā'ěrbīn gōngyè dàxué – Харбинский технологический университет], тебе дают, куда идти работать 建筑学院 [Jiànzhù xuéyuàn – институт архитектуры]... Ну, сама... Они назначают, и сейчас, я думаю, так назначают или нет? Ты учишься, ты закончил, все, кто со мной учился, китайцы, все попали в разные места. Сразу же надо было ехать и работать. Поэтому и учили бесплатно,

давали стипендии. Так что это... ну вот это, понимаешь, основное. Начал тут работать инженером. Первая вот моя работа – это power station [англ. электростанция], которую сейчас хотят закрывать, в следующем году power station [англ. электростанция]. Я делал расчет на unit [англ. блок] номер четыре, железобетонный блок, фундамент. unit [англ. блок], они турбины, громадные, пятьдесят тонн весом, большая вибрация. Всё это рассчитал. И потом на других электростанциях работал так, инженер-расчетчик. Стальные конструкции железобетонные, понимаешь? Проработал я до шестидесяти трех лет. Они закрыли electricity mission [англ. электрическая компания], power station [англ. электростанция]. Станции продали частным лицам, электрические тоже продали и нас контору закрыли. Так что я ушел, ушел на пенсию. Ну, работал дома. Помимо того, когда я был на этом в electricity mission [англ. электрическая компания], я работал senior lecturer [англ. старший преподаватель]. Я печатался в английских журналах: Виктор Игнатенко senior lecturer [англ. старший преподаватель]. Писал о бункерах, о том, расчеты. Молодой был тогда, понимаешь? Тут работал, значит, до шестидесяти трех лет, после того... Мне сейчас восемьдесят четыре... Я двадцать один год работаю как частный consulting [англ. консультирование]. Многоэтажные дома, простые дома, два этажа, три этажа, я рассчитываю foundation [англ. фундамент] и все перекрытия так далее. Занимался общественной работой, директором был в русском благотворительном обществе, которое в <неразб.> находится. Двадцать четыре года, это по-русски, а вон там по-английски, видишь? Двадцать четыре года, был там, строили. Просто вернемся обратно. Я тут напечатал, последний курс нашей группы, один, один, пять, четыре, группа. [В.М. Игнатенко].

А после школы у нас шли еще экзамены. Когда у нас несколько человек предложили работать в школе. И сразу летом мы ездили в колхозы, помогали, делали прополку, три раза в колхозе работали, а потом я была ассистентом у учительницы Клавдии Павловны Чесноковой. Она имела раньше свой детский сад и начальную школу, а когда школы закрылись, у нее эта школа тоже закрылась. Она была старшая учительница в начальной школе, вот у неё я проходила практику. В пятьдесят восьмом году [1958] я закончила и в пятьдесят восьмом году [1958] стала работать в школе. [Т.П. Лялина].

Детство и юность наших информантов протекала в тесном соседстве с китайцами. В этой атмосфере тесных межэтнических контактов они не только отмечали русские, советские, но также и китайские праздники: Китайские праздники я, конечно, отмечал. А русские праздники sick [англ. болезнь], я делал sick и не ходил на работу, я говорил, что я заболел, а сам справлял праздники, да. Вот была Пасха, все, я на работу не ходил, а говорил, что я заболел. Вот и всё... И потом на Пасху у нас такая традиция: на Пасху ходят визитеры. Я сейчас вам объясню. Значит мама накрывает стол, и на столе закуски, всё стоит, и папа уходит, скажем, в двенадцать часов дня папа уходит. Он идет с визитами, то есть он идет к знакомым поздравлять с Пасхой и говорит: «Христос воскрес». Ему отвечают: «Воистину воскрес». когда Пасха один другому

говорят: «Христос воскрес». Он отвечает: «Воистину воскрес». «Христос воскрес». Понимаете что? Что Иисус Христос воскрес. На Пасху это обязательно в Харбинé. Это выйдешь на улицу, все идут. Потому что было уже немножко холодно, такое не пальто, а такое теплое пальто и белый галстук, белый галстук – это всё шли с визитами мужчины, а жены сидели дома и ждали визитеров. Когда придут, значит, визитеры, и всех визитеров угощали, и мы так ходили. К одному пойдём, посидим полчаса, идем к другому, к третьему, и так ко многим. К вечеру уже немножко пьяный, уже домой возвращался, да-да...Рождество, конечно, ёлка всегда была, всё, да. В этом отношении все хорошо. А, елку, китайцы знали... Китайцы знали, что у нас Рождество и носили по улицам или там где-то. В определенном месте мы шли и покупали елки, да. Китайцы всё знали, да-да. Мы, конечно, встречали только русский новый год, первого января, вот. А китайцы уже справляли... это было двадцать какого-то января, не помню, в каком месяце. В январе, только дальше, да-да. Было интересно смотреть, потому что китайцы, когда справляли, они, во-первых, <взрывали> хлопушки и потом, очень много напивались, очень многие пили, и пьяных очень много было, но в основном это были хлопушки, конечно, это начинали хлопушки, это был новый год, китайский, да. [В.Д. Дронов].

Мы отмечали советские праздники и русские праздники. Рождество, Пасху. Конечно, у советских не было этого, Рождества и Пасхи. Так что мы отмечали и те, и другие. День Победы. На День Победы ничего не делали. Концерт, может, какой-нибудь или картина была. Так, ничего, демонстраций никаких не было. Никто по улицам не ходил. Китайцы не ходили по улицам. Китайские праздники... Новый год обычно у них целый месяц. В Китае все соседи приглашали на Новый год к себе. И меня, и отца, ходили к ним. Кушали всякие блюда, много. Пельмени, мясо. Отец мой играл с китайцами в 麻将 [Májiàng – маджонг]. 打麻将 [Dǎ májiàng – играть в маджонг] на деньги. [В.М. Игнатенко].

Т.П.: Да, все праздники отмечали.

Ц.К.: А китайские?

Т.П.: И китайские отмечали, да.

Е.Б.: Конечно! Еще как отмечали!!!

Е.Б.: Ходили в гости, пельмени ели.

Ц.К.: А... Понятно.

Т.П.: А в октябре были, эти пряники, да.

Е.Б.: 油饼 [Yóubǐng, китайский блин с маслом].

Т.П.: Мы были, когда вот в девяносто пятом году [1995] с мужем, да, уже не такие были <пряники>, были совсем другие <пряники>. [Т.П. Лялина, Е.Б. Шергуд].

Наши собеседники уехали с семьей в Австралию по разным причинам: «во-первых, жизнь стала не такая хорошая, одно время не было мяса. Потом, поскольку я был врач, как врачу <давали мясо>. Эта корпорация... она имела свои, где-то свои, как это сказать, где у них были и коровы, и все, понимаете вот.

Поэтому как врачу мне давали и мясо, и хлеб, и всё. Это [голод] я не чувствовал, поскольку я был врач, но это все было, потому что вот это нам всё давали, а для других было очень трудно: хлеб только по карточкам. Определенно, да-да, очень трудно было, и это, я сейчас не помню, довольно долго, несколько лет так продолжалось, потом только стало, но сорок пятый год [1945], русская армия зашла, сорок пятый год [1945], так что до сорок пятого года [1945] вот такая ситуация была. Ну, мы думали ехать в Россию, очень даже думали. А потом, вот так получилось, что вот тётя у моей жены. Она в Австралии была. Сделали нам визу, а было попасть в Австралию очень трудно, очень трудно было, вот поэтому мы и поехали в Австралию. Да. [В.Д. Дронов].

Мама делала так, как папа, это ясно. А папа хотел уехать за границу, может быть потому, что он получил образование в Европе. Но он решил уехать за границу. [Т.П. Лялина].

Таким образом, собранные мемуары австралийских харбинцев, с одной стороны, обнаруживают типологическое и композиционное сходство с аналогичными мемуаратами «советских» и «китайских» харбинцев. Основной темой этих мемуаратов является Харбин и жизнь в нем в 30–50-е гг. XX в., а подтемами – школьные годы, взаимодействие с китайцами, праздничная культура, религиозная жизнь.

Однако, рассказывая о причинах исхода в Харбин их предков, подчеркивают, что в основном их родители были убежденными контрреволюционерами – белыми офицерами, состоятельными людьми.

Язык австралийских харбинцев в большей степени сохраняет колорит харбинской речи первой половины XX в. С другой стороны, многие наши информанты свободно владеют китайским и английским языками, потому их речь перемежается фразами на этих языках. Так как английский язык является для них сегодня основным средством общения с внешним миром, английские фразы зачастую позволяют более точно выразить им смысл высказываемого.

Данные мемуараты в большей степени отличает дистанцированность от жизни современного Китая и свобода высказываемых суждений, нежели мемуараты «советских» и китайских харбинцев. Объединенность австралийской общины вокруг православной церкви обуславливает большую увлеченность наших информантов темой религиозной жизни в Харбине, нежели в историях харбинцев, уехавших в Советский Союз.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-012-00318. Тема проекта: «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)»

Библиографический список

Голованов П.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (293). Филология. Искусствоведение. – Вып. 74. – С. 89–92.

Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта. Культура и литература русского Харбина. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – 437 с.

Цзюй Куньи. Образ восприятия Китая и китайцев в мемуарах русских эмигрантов // Традиционная культура: Альманах. – 2019. – № 4. – С. 120.